6. Российская газета. 2012. 18 сентября.
7. Государственно-частное партнерство: теория и практика. {Электронный ресурс}http://institutiones.com/general/1079 –gosudarstvenno-chastmoe-partnerstvo.html
8. Новая газета. 2012. 10 сентября. № 102. С. 3.

УДК 323

Шепелева Ю.Л., асп.

Гендерные аспекты лидерства в рамках политологических исследований

Статья посвящена проблеме гендерной специфики феномена политического лидерства и политической власти, как объекта политологических исследований. Автором предпринята попытка анализа становления гендерных исследований в политической науке в её историческом развитии.

Ключевые слова: гендер, лидерство, политическое лидерство, гендерная асимметрия, гендерное неравенство.

Проблемы политического лидерства находятся на одном из центральных мест в исследовательском спектре современной политологической науки. В условиях демократизации политического процесса в современном мире изучение специфики политического лидерства, в том числе и в его гендерном аспекте, приобретает особую актуальность, что связано, в первую очередь, с необходимостью преодоления гендерного дисбаланса в органах государственной исполнительной и законодательной власти на всех уровнях, а также в руководящих структурах политических партий и общественных движений. Для многих стран мира, в том числе и для России, характерно преимущественно «мужское лицо» политического лидерства, что связано как с сохранением консервативных и традиционалистских установок в социуме, так и с объективными социально-экономическими условиями, создающими определенные препятствия для занятия женщинами руководящих постов, их выдвижения на парламентских выборах в качестве кандидатов в депутаты и т.д.

Проблемы соотношения власти и гендера занимают значимое место в современном социально-гуманитарном знании. Одной из ключевых задач, стоящих перед современными политологами в сфере гендерных исследований, является определение возможностей участия женщин в политической власти. Отметим, что маскулинизация политической сферы и, соответственно, гуманитарных дисциплин, эту сферу исследующих, относится к эпохе Нового времени и связана с распространением в европейских странах протестантизма. По мнению исследователей, европейская Реформация способствовала более прочному утверждению мужского господства, поскольку культивировавшиеся протестантизмом ценности включали в себя и незыблемость авторитета отца – главы семейства, который и представлял его интересы в публичной сфере [1, P. 4-27].

Согласно основным положениям пуританского протестантизма, в браке женщина должна руководствоваться тремя целями: деторождением,

уклонением от греховных соблазнов и, наконец, помощью и поддержкой мужа. Признавая женщину равной мужчине в вопросах веры и спасения, протестантские теологи, тем не менее, требовали полного подчинения женщины во всех остальных сферах, включая, разумеется, и область политики. В то время как от мужчин все в большей степени требовалось проявлять экономическую и политическую активность, позиционировать себя в качестве активных членов общества, предписываемые женщинам установки носили полностью домашний и религиозный характер (по формуле: «дети – хозяйство – церковь») [2].

Начиная с XVIII в. и вплоть до XX в. политические идеологии, оправдывая неравноправное положение мужчин и женщин, активно использовали естественнонаучные изыскания эпохи, которые указывали на якобы изначальное, «от Природы», гендерное неравенство. Отмечается «две ведущие тенденции. Одна из них – ускорение темпов дифференциации задач в экономике и управлении, что влечет за собой необходимость их централизованной координации: по мере того, как общества становятся более сложными, власть «стекается» наверх и в общем – в руки немногих мужчин, а большинство женщин остается внизу. Вторая историческая тенденция состоит в попытках оправдать лишение женщин власти и авторитета сведением гендерных различий в некую систему оппозиций, снабженных ярлыками «мужское» и «женское». Качества, якобы присущие женщинам, противопоставляются «мужским»: женщины определяются как пассивные, мужчины – как активные, женщины описываются как эмоциональные, мужчины – как интеллектуальные, женщины полагаются «по природе» заботливыми, мужчины – «по природе» честолюбивыми» [3].

В XX в. женщинам в большинстве стран мира были официально предоставлены равные политические и экономические права с мужчинами, что в еще большей степени актуализировало вопрос о том, почему, если формально женщины и мужчины равны, последние в большей степени считаются пригодными для выполнения лидерских функций, политической власти.

Значительный вклад в изучение проблемы о подчиненном положении женщин в социуме внесли исследователи, работающие в сфере культурной антропологии. Так, Джоан Хубер связывает подчиненное положение женщин с выполнением функций по обеспечению семьи, рода пропитанием, которые в обществах собирателей и земледельцев еще могут выполняться обоими полами, но в кочевых или охотничьих обществах, где добыча пищи связана с постоянным отсутствием вне дома и, следовательно, предполагает необходимость освобождения от обязанностей по уходу за детьми, женщина полностью исключается из социально-политической сферы [4]. Вместе с тем, технологический прогресс, значительно улучшает положение женщины по сравнению с другими эпохами. При этом преодоление подчиненного положения, в котором находится женщина, Д. Хубер видит в освобождении женщины от домашнего труда.

Основные положения теоретиков культурной антропологии вызывают немало критики, но все же стоит отметить их влияние на современные политологические исследования по проблемам женского лидерства.

Так, не вызывает сомнений тот факт, что решающая роль женщин в воспроизводстве новых поколений служит объективным препятствием (или рассматривается таковым) для участия в управленческой деятельности. Социальное противоречие между материнской и семейной функцией женщины, с одной стороны, и стремлением ее к участию в производственной, управленческой и иной деятельности, с другой, не вполне преодолимо на практике. На этой почве продолжает сохраняться консервативно-патриархальный стереотип отношения к женщине, существующий в массовом сознании, который с трудом приемлет ее способность к политическому лидерству, к самостоятельному принятию государственных решений. Часть ученых, политиков, граждан, считающих главной функцией женщины рождение и воспитание детей, работу на дому, отрицательно относятся к ее приходу в сферу управления.

В то же время гендерную асимметрию в современной политике можно рассматривать и как отражение асимметрии в экономикообразующих и высокотехнологичных отраслях производства, где до настоящего времени мужчины сохраняют абсолютное численное преимущество. Между тем, изоляция женщин от высокотехнологичных производств представляет собой современную вариацию их изоляции от обработки металла в архаичных обществах, которая, как отмечает Хубер, стала началом «исторического поражения» женщин. Конечно, женщины являются необходимой составляющей современного производственного процесса, но эта необходимость оттесняет их на второстепенное положение, подобно положению женщин как матерей и жен воинов в войнах прошлого [5, P. 17].

Энтони Гидденс обращает внимание на проблемы гендера в контексте изучения социальной стратификации, подчеркивая зависимость социального положения в обществе и пола. Исследователь пишет, что «гендер сам по себе является одним из ярчайших примеров стратификации. Нет таких обществ, в которых в ряде сфер социальной жизни мужчины не обладали бы большим богатством, влиянием и статусом, чем женщины» [6].

Изучение проблемы «гендер и власть» продолжилось во второй половине XX в. в контексте феминистской политической теории, ставшей ответом на классические политологические концепции, которые обвинялись феминистскими критиками в андроцентризме. Как известно, современная феминистская теория не является единым целым и включает в себя множество направлений и этапов развития.

Классический феминизм, называемый также «первой волной» феминизма, включает в себя такие направления, как либеральный, социалистический (марксистский) феминизм, суфражизм. Классический феминизм доминировал в женском движении, начиная с середины XIX в. вплоть до второй

половины XX в., и ставил своей целью обеспечение равных прав мужчин и женщин, в том числе и в политической сфере.

Так, представители либерального направления в феминизме основной целью своей деятельности видели борьбу за право на образование и труд, право на собственность, а также право избирать и быть избранными в органы государственной власти. По мнению идеологов данного направления, изменить зависимый статус женщины в обществе может лишь установление формального юридического равноправия, которое, помимо всего прочего, принесет пользу и всему обществу в целом. Находясь в числе самых уязвимых социальных групп населения, женщины только тогда смогут самореализоваться, когда получат равные с мужчинами гражданские и политические права.

Либеральным феминизмом были заложены концептуальные основы юридического и политического равенства, которые получили дальнейшее развитие в последующие периоды. Однако, на данном этапе своего развития, феминизм касался лишь проблем конкретных прав женщин: на труд и равную оплату труда, конкретные политические и гражданские права, чего было явно недостаточно.

Социалистический феминизм берет свое начало во второй половине XIX в. В этот период в Западной Европе и Северной Америке происходили бурные процессы развития капитализма, индустриализации, социального реформирования, изменения структуры семьи, вовлечения женщин в экономическую жизнь. Основными источниками для формирования идеологии социалистического феминизма послужили работы К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, А. Коллонтай и К. Цеткин.

Концепции социалистического феминизма в значительной мере продолжают марксистскую традицию. В качестве основной причины эксплуатации женщины представляется половое разделение труда. С точки зрения социалистического феминизма, патриархат и капитализм взаимно укрепляют и поддерживают друг друга и создают исторически специфические формы женского угнетения. Основой подавления женщин при капитализме является их экономическая эксплуатация как оплачиваемых работников и угнетение как матерей и домохозяек.

После второй мировой войны сущность феминизма изменилась: он приобретает более радикальный характер.

Фактически, радикальные феминистки продолжили дискурс Мишеля Фуко, обратившись к исследованию гендерных аспектов власти. Согласно данной концепции, вся история человечества представляет собой утверждение власти мужчины, осуществляемое с помощью крови и насилия. Женщина же представляет собой «добычу» наравне с драгоценными металлами, земельными угодьями или рабами, что фактически лишает ее роли самостоятельного человека, могущего выступать в качестве равного с мужчиной игрока мировой политики и т.д. В первоначальном значении власть – это власть мужчины над женщиной, имеющая место в рамках семьи, и шире – в рамках общества, где женщина выступает добычей или наградой для муж-

чины за проявление последним каких-либо ценных качеств в своем поведении.

Как отмечает Г. Соловьева, критикуя позицию радикальных феминисток относительно соотношения гендера и власти, «мужская власть над женщиной – феномен конкретно исторический. Сами же мужчины – Ницше, Фуко, Деррида – деконструировали маскулинную структуру насилия, создав проект новой альтернативной онтологии, преодолевшей господство. А если феномен мужской власти – преходящее явление, то снимается основной аргумент радикалок в пользу негативности власти как таковой» [7]. В целом, по мнению исследователя, власть представляет собой достаточно позитивный феномен, который является продуктом человеческого общества, созданным с целью упорядочения социальной жизни, и не может носить ни маскулинных ни феминных характеристик.

«Вторая волна» женского движения охарактеризовалась дискуссиями по многим проблемам, которые в феминистском контексте приобрели совершенно иную окраску. Обсуждаемые вопросы связаны как с историей, так и с современным состоянием общества. Дело в том, что раньше не проводился анализ общества с точки зрения гендерной дифференциации.

Родоначальницей «второй волны» женского движения считается Симона де Бовуар. В своей книге «Второй пол» она исходит из двух основных постулатов: во-первых, мужчина, считая себя существом творческим, субъектом, превратил женщину в пассивное существо, в объект; во-вторых, не существует такого явления, как женская природа, и все признаки женственности поэтому являются искусственными.

Наиболее обстоятельной критике современную систему политической власти, которая исключает женщин, не предоставляя им возможностей для занятия руководящих позиций, подвергает радикальный феминизм «второй волны» женского движения. Представители радикального феминизма расширили и углубили критику гендерного неравенства, попытавшись выявить причины неравноправия. К. Миллет в работе «Сексуальная политика» подчеркивает политический характер гендерных отношений в современном обществе, обращая внимание на узурпацию политической власти мужчинами, проявляющуюся, в том числе, и в огромной гендерной асимметрии на руководящих и управленческих должностях. Как подчеркивала Миллет, «деспотизм патриархата, предписывающего нам темперамент и роли, не вызывает у нас вопроса о правомерности подобной регламентации. Не рождают в нас серьезного вопроса и взаимоисключающие, противоречивые полярные качества, подводимые под категории «мужественности» и «женственности»... Если говорить об организации подчинения, то патриархат как правящая идеология не имеет себе равных; наверное, ни одна система никогда не имела столь полного контроля над своими субъектами» [8, с. 126].

К. Мак-Киннон считает сам институт государства в том виде, в каком он существует в настоящее время, феноменом «мужского мира», поскольку и объективность в мире носит андроцентристский характер. Радикальные

феминистки обвиняли в гендерной дискриминации и современное левое движение, которое декларировало гендерное равноправие, но на практике не выходило за пределы традиционной андроцентристской модели политической организации. Как пишет Л. Попкова, «незыблемость гендерной иерархии и патриархальных институтов в идеологической системе левых студенческих организаций неизбежно привели к формированию собственного феминистского понимания сексуальных политик, направленных на женское освобождение» [9].

Иными словами, радикальный феминизм рассматривает в качестве подлинного освобождения лишь полную ликвидацию мужского господства во всех сферах жизни общества, что потребует кардинальной трансформации всех социальных и политических институтов. Без освобождения от власти патриархата, по мнению сторонников данной концепции, любые рассуждения о природе женского лидерства и возможных путях преодоления гендерной асимметрии во власти оказываются беспочвенными. Равным образом, как и попытки либеральных феминисток выстроить гендерное равенство по модели «уподобления женщин» мужчинам, с принятием поведенческих установок последних. Радикальные феминистки, находившиеся, в том числе, и под влиянием концепций постмодернистских философов, предложили понимание женского пути в политике как основанного на различии мужской и женской природы.

Отдельное направление в феминистской теории представляют сторонники «черного феминизма», распространившегося среди афроамериканского и иного неевропейского населения США и Европы и акцентирующего внимание не только на гендерном дисбалансе женщин и мужчин во власти в современном мире, но на особо угнетенном и подчиненном положении женщин из неевропейских обществ. «Черная женщина», по мнению сторонников этой концепции, несет двойное бремя угнетения – расового и гендерного, что актуализирует потребность в скорейшем решении проблемы гендерно-расового неравноправия в современном мире.

Гайятри Спивак, соединяя феминизм с антирасизмом, обращает внимание на присущее западной традиции практически полное исключение женщин Востока и Юга, а также неевропейских групп населения США и Европы, из политического процесса. По мнению Спивак, в данном случае гендерный дисбаланс в современной политике приобретает расистскую составляющую: если со «своей» женщиной европейские и американские мужчины еще готовы поделиться определенным количеством власти, допустив ее в исполнительные и законодательные органы власти, то «чужая женщина» испытывает двойную дискриминацию [10].

Значительная часть исследований в рамках феминистских политологических концепций посвящена развенчанию представлений о якобы изначальной аполитичности и «незаметности», которые присущи женщинам в соответствии с их биологической природой. Наибольшей критике подвергается бихевиористская концепция в политологии, которая, по мнению феми-

нисток, не оставляет для подавляющего большинства женщин места в политической жизни, тем более в роли политических лидеров. Между тем, еще в 1970-е – 1980-е гг. практические исследования показали, что женщины по степени склонности к политической деятельности ничем не уступают мужчинам. Единственное исключение – меньший уровень политической активности тех женщин, которые помимо профессиональной деятельности на работе вынуждены полностью вести домашнее хозяйство, что не оставляет им свободного времени и физических ресурсов для занятия политической или общественной деятельностью.

Подобной позиции придерживается и одна из ключевых фигур в радикальном феминизме С.Файрстоун [11]. По мнению исследователя, деторождение снижает мобильность женщины, ставит ее в материальную зависимость от мужчины как от источника дохода, по крайней мере, на момент деторождения и воспитания ребенка в раннем возрасте. Причем продление детства способствует и увеличению временного отрезка зависимости женщины от мужчины. Мы можем добавить, что поскольку в случае разводов подавляющее большинство детей остается с матерями, то одинокие матери оказываются в полном проигрыше по сравнению с отцами, так как вынуждены не только полностью брать на себя обязанности по ведению домашнего хозяйства и уходу за ребенком, но и его содержание, что не оставляет времени и иных ресурсных возможностей для конкурентной борьбы за лидерские позиции. Но данный момент может быть преодолен в процессе постепенных трансформаций, происходящих в современном мире в сфере ролевого поведения полов.

К тому же, как показывают исследования, семейные проблемы являются причиной ухода из законодательных и исполнительных органов власти не только для женщин, но и для мужчин. При этом, и для женщин, и для мужчин семейные приоритеты часто оказываются более важными, чем уровень заработной платы в административных структурах, который позволяет или не позволяет им занимать руководящие должности и вообще работать в государственных учреждениях.

Сегодня женщины обладают политическими правами, но их полное вхождение в мир политики по-прежнему остаётся делом будущего, пока остаётся актуальным главное препятствие - маргинальность положения женщин в обществе. Не секрет, что даже в прогрессивных странах большая часть женского населения убеждена в том, что их участие в политике может и должно выражаться исключительно в голосовании на выборах. Из истории известно, что в США первой организацией после того, как женщинам были предоставлены политические права, стала Лига избирательниц.

Пытаясь выйти за рамки замкнутого круга традиционно предписываемых им ролей, женщины нередко маргинализировались. Причина – конфликт противоречий между требованиями, предъявляемыми к женщинам и к политикам. Идя в политику, женщины вынуждены идти и на отказ от некоторых норм своей традиционной роли. При этом новая для неё группа, состоя-

щая преимущественно из мужчин, не принимает нового члена, к тому же стремится поставить в подчиненное положение, отстаивая свою доминанту. В результате многим женщинам приходилось отказываться от политической карьеры, при этом возвращение к предыдущей роли для амбициозных и целеустремлённых личностей тоже оказывалось непростым.

Таким образом, требования, которые предъявляются к женщинам-политикам, мало чем отличаются от тех, что предъявляются остальным женщинам-профессионалам. То есть женщин-политиков тоже оценивают по двум шкалам на предмет соответствия двум позициям - феминности и политики. Причём для соответствия стандартам политики необходимо практически полностью исключить черты феминности. Эта попытка соответствовать двум взаимоисключающим параметрам приводит к тому, что очень немногие женщины достигают вершин политической карьеры. Их путь к руководящим постам гораздо длиннее, чем у мужчин.

Необходимо отметить, что проблема соотношения гендера и власти является одной из наиболее сложных и деликатных тем исследования в современной политологии. Классический политический дискурс отводил женщине подчиненную роль в обществе, обосновывая изоляцию женщин от участия в политической деятельности, в особенности на руководящих позициях, естественными различиями между полами, социокультурной традицией или религиозными догматами. Политическая эмансипация женщин в XX в., становление феминистской политической теории и развитие феминистского движения актуализировали необходимость пересмотра данного подхода, поставив в центр внимания проблемы обеспечения подлинного гендерного равенства в модернизирующемся обществе.

Феминистские идеи оказали огромное влияние на мировые политические процессы и политику отдельно взятых стран. С каждым годом проблема политических прав, реального участия женщин политических процессах, а так же достижение гендерного равенства во всех сферах жизни общества привлекает к себе внимание все большего количества ученых. Результаты, которые уже достигнуты в сфере преодоления гендерного неравенства во многом достигнуты благодаря борьбе женщин за свои права в рамках феминистского движения. Историко-методологический анализ и осмысление концепции феминизма позволяет нам сформировать более четкое представления о механизмах формирования существующей гендерной асимметрии в политической сфере и механизмах его преодоления.

В последнее время интерес ученых-политологов к гендерному аспекту власти, как за рубежом, так и в России, неуклонно растет.

Так, в учебнике А.Гидденса, переведённом на русский язык, содержится три раздела, посвящённых гендерной проблематике, в том числе участию женщин в политике. В сегодняшней западной политической науке более громко заявляют о себе постмодернизм и феминизм, в рамках которых и рассматривают проблемы участия женщин в политике. Они оказались источ-

ником вдохновения при изучении так называемых новых политических движений и распада старого мирового порядка.

Голоса самих женщин все более отчётливо слышны в исследованиях по политической теории (Нельсон, Пейтман, Шанлей, Батлер). В частности Кэрол Пэйтман была избрана президентом Международной ассоциации политических наук (IPSA) с 1991 по 1994 гг. и много сделала для популяризации феминисткой теории политики, прежде всего в области международных отношений. Она считает, что поскольку женщины отодвинуты на обочину мировой политики, они могут предложить своё видение мира с позиций, выходящих за рамки традиционных государственно-центристских отношений западного типа. Поскольку феминистские подходы основаны на опыте женщин, чьи жизненные условия не принимались в расчёт при построении теории, они могут способствовать расширению эмпирической базы наших исследований [12]. По мнению Сандры Хардинг, возрастает объективность политологии, когда используется взгляд с позиций женщин, являющихся аутсайдерами в обществе. Она полагает, что поскольку маргинальные группы меньше заинтересованы в сохранении статус-кво, их знание с меньшей вероятностью будет искажено желанием узаконить существующие структуры власти [12, с. 431].

Ориентируясь на западную традицию, известный российский политолог Е.Б. Шестопал в своих последних книгах рассматривает проблемы лидерства, избирательного процесса, учитывая фактор пола, а также включает раздел ”феминистская политическая теория“. В публикациях, посвящённых лидерству и связям с общественностью, появляются разделы, связанные с имиджем женщины [13, с. 87-126]. В хрестоматии ”Психология и психоанализ власти“, изданной под редакцией Д.Я. Райгородского, присутствует 12 текстов женщин-политологов [14]. В политическую энциклопедию включен раздел ”Феминизм“, написанный О.Здравомысловой [15, с. 553].

В рамках российских гендерных исследований существуют работы, посвящённые участию женщин в политическом процессе, о женщинах-политических лидерах, которые восполняют пробелы в академической политологии (С. Айвазовой, Г. Силласте, Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной, В. Константиновой, В. Успенской, Е. Кочкиной, И. Жеребкиной, Н. Степановой, Н. Шведовой). Однако важен диалог между представителями гендерной теории и академической науки, чтобы гендерный дискурс из маргинального превратился в официальный.

В заключение необходимо сказать, что становление гендерных исследований в политологии имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку женщины в современном обществе стали не только объектом политики как важный элемент электората и адресатом целенаправленных государственных программ, но и активными и влиятельными участниками самого политического процесса и государственного управления. Анализ гендерных аспектов в контексте политологических исследований, в том числе осмысление концепции феминизма, позволяет сформировать более четкое

представления об особенностях формирования существующей гендерной асимметрии в политической сфере и механизмах ее преодоления.

Литература

1. Hanley S. Engendering the State: Family Formation and State Building in early Modern France // French Historical Studies, 1989. Vol. 16. 1. P. 4-27.

2. Faure C. Democracy Without Women: Feminism and the Rise of Liberal Individualism in France. Bloomington, 1991.

3. Репина Л.П. Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории // http://articles.excelion.ru/science/filosofy/12417395.html

4. Huber J., “Comparative Gender Stratification” in Janet Saltzman Chafetz ed., Handbook of Sociology of Gender (New York: Kluwer Academic/Plenum, 1999).

5. Enloe C., Does Khaki Become You? The Militarization of Women’s Lives. London: Pluto Press, 1983. P. 17.

6. Гидденс Э. Гендер и стратификация // Гидденс Э. Социология // http://society.polbu.ru/giddens_sociology/ch72_i.html

7. Соловьева Г. Гендер и деконструкция территории политики // Гендерные исследования, гендерная политика и женское движение в странах Центральной Азии: попытка диагноза: Мат. науч.–практ конф. / Под. ред. С.М. Шакировой, Н.У. Шеденовой, М.А. Ускембаевой. Алматы, 2005.

8. *Миллет К.* Теория сексуальной политики // Феминизм и гендерные исследования. Тверь, 1999. С. 126.

9. *Попкова Л.* Теория и практика современного феминизма: женское движение в США // http://www.owl.ru/win/books/articles/popkova.htm#11

10. *Ильин И.П.* Постмодернизм: от истоков до конца столетия. М., 1998. С. 107.

11. *Firestone S.* The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution (New York: William Morrow, 1970).

12. Политическая наука. Новые направления/ Под ред. Е.Б.Шестопал. М., 1999. С. 431.

13. *Алёхина Е.А., Горбачёв М.И., Колесникова Т.И.и др.*. Ключ к власти. М., 1999. С.87-126.

14. Психология и психоанализ власти / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара, 1999.

15. Политическая энциклопедия / Под ред. Г.Ю. Семигина М., 1999. Т.2. С. 553.

УДК 351:321

Плохова В.В., асп.

Проектное управление как способ реализации инновационной политики государства

В статье описывается политическое значение оптимизации и рационализации сферы государственной службы в ретроспективе, настоящем времени и перспективе развития нашего государства, даются рекомендации по переходу учреждений государственных и муниципальных органов власти на проектную модель управления.

Ключевые слова: проектное управление, оптимизация государственной политики, методы управления, система образования.